

“Польша за пределами Польши”: в поисках определения

Посвященный польской литературе номер “Польша за пределами Польши / Polska poza Polską” задуман как попытка представить одну из сквозных тем польской истории и словесности последних столетий. Споры о “пределах” — географических, исторических — делятся в истории Польши со времен Первого и Второго разделов Речи Посполитой. Они по сей день порождают национальные мифы, вокруг них выстраиваются отношения с соседями. “Пограничье”, где в диалоге наречий, традиций и мироощущений создавались самобытные художественные языки, — для Польши не только пространственная или геополитическая категория, но одно из ключевых понятий общекультурного словаря.

Другое столь же важное понятие — диаспора; неслучайно одним из самых известных символов польской культуры стал написанный изгнанником Михалом Клеофасом Огинским полонез “Прощание с родиной”. Польская история последних двух веков — во многом история польского рассеяния. Оно началось после восстания Тадеуша Костюшки, затем — Великая эмиграция первой половины XIX века, высылки после январского восстания 1863 года. Во второй половине XIX века жители польских земель иногда целыми деревнями или местечками уезжали на заработки в соседние страны и на другие континенты. XX век принес депортации, ссылки, лагеря и новую политическую эмиграцию. Судьбы нескольких поколений поляков вполне могли бы стать иллюстрацией к известному тезису Ханны Арендт о том, что одно из главных действующих лиц XX века — человек, вынужденно переселившийся или насильственно переселенный в чужую землю. Изгнанникам, “перемещенным лицам”, предстояло не только сохранить обычаи, язык, нелукавую память о живых и ушедших, но искать укорененный в польской культурной традиции и вместе с тем качественно новый способ говорения о пережитом, заново осознать себя в большом времени польской и европейской истории. После Второй мировой войны везде, где существовала польская диаспора — от Швеции до Австралии, — постепенно складывалась самостоятельная эмигрантская культура. Собираателем ее голосов, средоточием ее смыслов — и вестником свободы для “подсоветской Польши” — стал созданный в 1946 году Литературный институт, основателями которого были Ежи Гедройц, Юзеф Чапский, Густав Герлинг-Грудзинский, Зофья и Зигмунт Герц.

В польской истории второй половины XX века был еще один “предел”, географически не обозначенный, но очевидный. Он проходил по линии сопротивления бессмысленной, разобщающей идеологии, языку лжи, корыстно-малодушным поступкам и очерчивал Польшу свободного слова и действия. За ним начиналась “Солидарность”, которая к началу 1980-х годов

соединит в стремлении к свободе Польшу и диаспору, станет одним из ключевых событий европейской истории XX века.

В номере “Польша за пределами Польши” звучат голоса из разных “пределов”. Его тональность задают воспоминания Юзефа Виттлина о Львове его детства, плотные и яркие настолько, что, кажется, чувствуешь запах львовского кофе и слышишь звуки довоенных улиц. Имя Виттлина почти не известно в России. Его проза — роман “Соль земли” в переводе Евгения Троповского — чудом вышла в 1937 году крошечным тиражом, с тех пор его произведения на русский язык не переводились. Однако публикация воспоминаний “Мой Львов” — событие не только книжное, но и литературно-биографическое: как рассказывала дочь писателя, Эльжбета Виттлин-Липтон, отец мечтал, чтобы “Мой Львов” вышел по-русски. То же польско-украинское пограничье, но увиденное этнографически, открывается в прямом сказе Станислава Винценца “На высокой полонине. Правда старовека”, его эпическую эмоциональность уравнивают два отстраненно-репортерских повествования: “Наброски пером” Анджея Бобковского — журналистский дневник о первых месяцах нацистской оккупации Франции и скорбно-сдержанный рассказ Ханны Кралль “Правнук” — о людях пограничья, чьей родиной стали “стихи о незадаанных вопросах”.

Этот номер можно бы назвать приношением созданному Ежи Гедройцем парижскому ежемесячнику “Культура” (1947—2000), в котором вольное польское слово окликало вольную русскую, украинскую, литовскую, чешскую речь — и перекликалось с ней. Среди разножанровых текстов, передающих движение мысли и атмосферу этого издания, — пронзительные и благодарные воспоминания Лео Липского о людях Мезон-Лаффита, эссе Юзефа Чапского о Блоке, почти случайно найденная в архиве Литературного института переписка Ежи Гедройца и Томаса Венцловы, позволяющая увидеть, как деятельно и терпеливо собирал Гедройц круг единомышленников.

Замысел номера складывался в разговорах с одним из основателей Студенческого комитета “Солидарности” в Кракове, ныне директором краковского Института литературы Юзефом Рушаром, чьи воспоминания вошли в рубрику “Солидарность”. Сама идея представить, насколько возможно, мысль и литературу польской диаспоры была подсказана знакомством с поистине бездонным архивом Литературного института “Культуры” в Мезон-Лаффите и беседами с автором статьи о русских следах в архиве “Культуры”, хранителем этой бесценной коллекции Анной Бернхардт, любезно давшей разрешение опубликовать архивные материалы. Им, а также Польскому культурному центру в Москве, всем переводчикам номера, всем, кто участвовал в его обсуждении, мы очень признательны.

Надеемся, эту признательность разделят читатели.

СВЕТЛАНА ПАНИЧ